

Мы можем предположить, что две половинки суть разомкнутый круг вечности, который не сомкнется, пока человечество не будет “поймано” этой ловушкой, т.е. пока человек свободно не придет к Богу (для чего и был рожден Младенец). Но почему круг не просто разомкнулся, а разошелся на две части? Возможно, художник хотел показать нам два пути к Богу, из которых первый есть долгий нравственный путь, через знамения и значения, через знания и веру - это возглавляемая волхвами цепочка мудрецов; второй же путь - безыскусный, это путь людей, которые, не мудрствуя, как дети, всей душой идут на крещение (прорубь на первом плане и рядом ребенок на салазках - аллюзия к Моисею), по традиции собираются у очага, где атмосфера дома раскрывает их сердце. Вторую цепочку, возможно, возглавил сам Брейгель - человек у очага.

Так художник создает свой храм мироздания, в котором человек и Вселенная гармонично соединены. Идея микрокосма полно воплощена в образах вселенских циклов, рисующих путь человека к Богу, сложный путь духовного обращения. Это путь всеобщий, но пройти его может только каждый человек сам: именно поэтому необходима композиция включения зрителя в пространство картины, не только автор и изображенный человек, но и зритель должен пройти путь через привычный пейзаж, к крещению стихией Мировых вод, к поклонению теплу родного очага, как явленному Мировому дому.

И.Г. Самородских (Самара)

ТРАГИЧЕСКОЕ В ЛИЦЕЙСКОЙ И РОМАНТИЧЕСКОЙ ЛИРИКЕ ПУШКИНА

Мотив трагического проходит красной нитью по всем произведениям Пушкина, является он одним из доминирующих мотивов и в лирике поэта. Приходится удивляться, как мало замечен и учтен именно трагический элемент поэзии Пушкина. Нередко говорят о Пушкине как о жизнерадостном, «солнечном» поэте. Так, например, по словам Б.В. Томашевского, «предметом поэзии Пушкин считал темы радостей жизни. Это утверждение жизни в ее радостях присутствуют в его творчестве с самого начала» (1.С.86). Д.С. Мережковский в своей работе «Пушкин» также называет его «самым светлым и жизнерадостным из русских писателей». «В сравнении с ним, - добавляет философ, - все другие поэты кажутся тяжелыми и мрачными - он один,

светлый и легкий, почти не касаясь земли, скользит по ней, как эллинский бог...» (2.С.104-105). Еще один исследователь творчества Пушкина Э.Г. Бабаев заявил: «Пушкин видел жизнь в сиянии прекрасного, а того, что вне этого сияния, как бы не видел, не понимал» (3.С.16). Но так ли это?

Достаточно вспомнить хотя бы некоторые строки известных пушкинских стихов о жизни, чтобы усомниться в этом: «Вся жизнь моя - печальный мрак ненастья, две-три весны, младенцем, может быть, я счастлив был, не понимая счастья...»; «К чему мне жизнь, я не рожден для счастья...»; «На сумрачном моем закате, среди вечерней темноты, так сожалел я об утрате обманов сладостной мечты...»; «Томит меня тоскою однозвучный жизни шум»; «Печаль минувших дней в моей душе чем старе, тем сильнее»; «На свете счастья нет, а есть покой и воля»; «И с отвращением читая жизнь мою, я трепещу и проклинаю, и горько жалуюсь, и горько слезы лью, но строк печальных не смываю...» и т.д. В свой день рождения Пушкин пишет:

*Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена...*

Это лишь некоторые строки, побуждающие задуматься, действительно ли жизнь поэта была преисполнена радостей. Похоже, что это не совсем так.

И все же нашлись мыслители и критики, которые почувствовали сочетание светлых и трагических мотивов очень глубоких, проникновенных стихов Пушкина, а религиозный философ С.Л. Франк справедливо отметил преобладание трагического в поэзии Пушкина. Он не соотнес эту проблему с духовным миром поэта. С.Л. Франк отмечает, что «трагизм самой личности Пушкина есть не мятеж, не озлобление против жизни, а тихая, примиренная скорбь, светлая печаль» (2.С.481). Еще до Франка это отметил В.Г. Белинский в своей работе «О пафосе поэзии Пушкина». Размышляя над пьесой «19 октября», писал: «Какая глубокая и вместе с тем светлая скорбь» (4.С.192). Сочетание «светлого трагизма» подмечено также Герценом в заметке «Пушкин и Россия»: «Как все великие поэты, он всегда на уровне своего читателя: он растет, становится мрачен, грозен, трагичен; его стих шумит, как море, как лес, волнуемый бурей, но в то же время он ясен, светел, сверкающ, жаждет наслаждений, душевных волнений» (4.С.201).

М.О. Гершензон в работе «Мудрость Пушкина» отмечал: «Самая грусть его, несмотря на ее глубину, как -то необыкновенно светла и прозрачна; она умеряет муки души и целит раны сердца» (2.С.207).

Автор книги «Мастерство Пушкина» А.Л. Слонимский в лирике Пушкина видит сочетание радости и трагедии: «Соседство мотивов света и мрака, жизненной радости и смерти - совершенно в духе древних, но в то же время связано с собственной мыслью Пушкина, которая в различных вариациях, с преобладанием то светлого, то мрачного начала выражается в его поэзии» (5.С.88).

Итак, мотив грусти, печали все же замечен исследователями и большинством из них назван «светлой печалью».

Развивая мысль «о светлой печали» Пушкина, С.Л. Франк говорит: «Для Пушкина характерно сочетание трагизма с духовным покоем», мудрым смирением, просветленностью» (2.С.481). С этим можно поспорить. На наш взгляд, Пушкин и покой несовместимы. Пушкин сам по себе натура страстная, нервная, кипучая. В ней нет и не может быть спокойствия, смирения. Пушкин, как справедливо говорит С.Н. Булгаков в своем критическом этюде «Жребий Пушкина», «был стихийный человек, в котором сила жизни была неразрывно связана с буйством страстей, причем природные свойства не умирились в нем ни рефлексией, ни аскетической самодисциплиной: он мог быть - и бывал - велик и высок в этой стихийности, но и способен был к глубокому падению» (2.С. 275-276). В душе поэта нет и не могло быть спокойствия, а есть мятеж, только мятеж этот внутренний, не прекращающийся никогда.

«Трагедийностью героической» называет поэзию Пушкина Б.С. Мейлах, отмечая при этом Пушкинское жизнелюбивое мироощущение: «Ничто не выражено у поэта с такой страстью и убежденностью, как гимн жизни» (6.С.82). С этим нельзя не согласиться. О пушкинском жизнелюбии говорят строки его стихов:

*Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать...*
(«Элегия», 1828)

В стихотворении позднейшего периода творчества Пушкин восклицает:

*О нет, мне жизнь не надоела,
Я жить люблю, я жить хочу...*

Это жизнелюбие принимают за жизнерадостность, но это, как мы убедились, не одно и то же.

Трагедия усугубляется из-за того, что любовь к жизни, данная поэту свыше, не помогла ему стать поистине счастливым человеком на Земле. Об этом свидетельствуют его письма к А.А. Дельвигу, П.А. Вяземскому, П.А. Плетневу и другим. Более того, Пушкина всегда сопровождали тоска и скука. В одном из писем к К.Ф. Рылееву Пушкин сообщает: «Скука есть одна из принадлежностей мыслящего существа».

Такое мироощущение и связанное с ним настроение, переживания, страдания отразились во всем творчестве Пушкина и особенно в его лирике. Обратившись к лирике Пушкина, проследим развитие темы трагического, а также попытаемся уяснить причину трагического мироощущения поэта.

Если внимательно вчитаться в стихотворения лицейской поры, то здесь наряду с жизнерадостными мотивами, навеянными творениями Анакреона и Парни, а также музой Батюшкова обнаруживаются отчетливо звучащие ноты «уныния» и «тоски». Стихотворения Пушкина лицейских лет отражают определенный этап духовного развития поэта, его отношение к дружбе, любви, творчеству. «Философия «беспечной» жизни, лени, неги, любви и дружбы в сочетании с веселой шутливостью и элегической мечтательностью, столь характерной для музы Батюшкова, была созвучна и настроениям Пушкина-лицейца», - отмечает К.Н. Григорьян в книге «Пушкинская элегия» (7.С.101).

Именно поэтому темы грусти и одиночества звучат легко, мягко и не вызывают чувства глубокого сострадания лирическому герою у читателя. Многие стихотворения раннего лицейского творчества посвящены теме любви, измены, среди них: «Осгар», «Казак», «Блаженство», «Романс», «Измены» и другие. Бог любви бережит душу, заставляет страдать, но поэт говорит об этом без чувства горечи, иногда с легкой иронией. Лирический герой не сильно сожалеет о потере, надеясь обрести свое счастье с другой:

*А теперь мне жизнь - могила,
Белый свет душе постыл,
Грустен лес, поток уныл...
Хля - другу изменила!...
Я для милой... уж не мил!...
...Вдруг сокрылись скорби, муки,
Мрак душевный вмиг исчез!
...Так поди ж теперь с похмелья
С Купидоном помирись;
Позабудь его обиды
И в объятиях Дориды*

Снова счастьем насладись!
(«Блаженство», 1814).

Стихотворение «Мое завещание друзьям» (1815), предваряющее философскую лирику Пушкина, построено на контрастах. Поэт о смерти говорит как бы шутя, она соотносится здесь больше с полетом в мир волшебных наслаждений и забвенья:

*Хочу я завтра умереть
И в мир волшебный наслажденья,
На тихий берег вод забвенья,
Веселой тенью отлететь...*

Более того, в этом стихотворении смерть ассоциируется с праздником. Поэт, обращаясь к друзьям, говорит:

*На тихий праздник погребенья
Я вас обязан пригласить...*

Итак, страстные юношеские порывы, соединенные с грустной мечтательностью, отличают раннее лицейское творчество Пушкина.

В стихотворениях 1816 года мотивы печали и тоски усиливаются. Любовь, радость быстротечны, а страдания длятся долго. Элегическая настроенность приобретает преобладающее значение в лирике А.С. Пушкина в 1816-1817 годы. В этом сказались литературные традиции эпохи, влияние Карамзина, Батюшкова и, в особенности, романтической музыки Жуковского. Но неверно было бы думать, что пушкинская элегия является результатом подражания. Пушкин, по справедливому замечанию Томашевского, «никогда не был ни эклектиком, ни эпигоном, даже в самых подражательных стихах» (1.С.80). Именно элегический жанр позволяет лучше всего выразить состояние души поэта. Ведь недаром элегия остается любимым жанром у Пушкина и отчетливо проходит через все этапы его поэтического творчества.

Мотивы уныния, одиночества, смерти переполняют элегии Пушкина. В них - раздумья о жизни человека: «Но мне в унылой жизни нет / Отрады тайных наслаждений; / Увял надежды ранний цвет: / Цвет жизни сохнет от мучений» («Элегия», 1816); «В глуши долин, печальной тьме лесов, / Один, один брожу уныл и мрачен...» («Любовь одна - веселье жизни хладной», 1816); Я видел смерть; она в молчанье села / У мирного порогу моего; / Я видел гроб; открылась дверь его; / Душа померкнув охладела...» («Элегия», 1816); "Я все не знаю наслажденья, / И счастья в томном сердце нет» («Наслажденья», 1816); «Уж я не тот... Невидимой стезей / Ушла пора веселости

беспечной, / Ушла навек, и жизни скоротечной / Луч утренний бледнеет надо мной.../ Перед собой одну печаль я вижу! / Мне страшен мир, мне скучен дневной свет: /Пойду в леса, в которых жизни нет, / Где мертвый мрак, - я радость ненавижу ("Элегия", 1817); «Несчастья, страстей и немощей сыны, / Мы все на страшный гроб, родясь, осуждены...» («Безверье», 1817); «Я слезы лью, я трачу век напрасно, / Мучительным желанием горя...» (Князю А.М. Горчакову, 1817); «Один с тоской явлюсь я, гость угрюмый, / Явлюсь на час - и одинок умру» и т.д.

Еще в лицее Пушкин познал муки любви, разочарование, и оттого его лирический герой несчастен, ему выпала доля страдать. Но все же мученье любви ему очень дорого, не будь любви - жизнь потеряла бы всякий смысл: «Зачем луч утренний блеснул? / Зачем я с милою простился? («Месяц», 1816); «Вздохнули ль вы, внимая тихий глас / Певца своей печали?» («Певец», 1816); «Морфей, до утра дай отраду / Моей мучительной любви...» («К Морфею», 1816); «Любовь отравла наших дней, / Беги с толпой обманчивых мечтаний...» («Элегия», 1816); «Болезнь любви неизлечима!» («Надпись на стене больницы», 1816); «Узнай любовь неведомую мне, / Любовь надежд, восторгов, упоенья...» («Разлука», 1816); «Все, все мне изменило, / Несчастен я в любви» («Фавн и пастушка»); «Я вяну, гибну в цвете лет, / Но исцелиться не желаю» («Я слышал, что божий свет...», 1818); «Жестокий друг! Меня томишь ты упоеньем, / Приди, меня мертвит любовь!...» («Выздоровление», 1818); «О если бы тебя, унылых чувств искатель / Постигло страшное безумие любви...» («Мечтатель», 1818) и другие.

В раннем творчестве А.С.Пушкина мы не слышим еще той трагедии, той глубокой внутренней скорби, которая прозвучит в поздних стихотворениях. Но уже здесь отголоски этого настроения присутствуют. «С первого раза заметно, - писал В.Г. Белинский, - что грусть более к лицу музе Пушкина, более родственна ей, чем веселая и шаловливая шутливость» (8.Т.7.С.295). В творчестве Пушкина все взаимосвязано. И слишком ясна внутренняя связь ранних мотивов с позднейшими.

Мотивы тоски и уныния преобладают в стихотворениях лицейских лет и послелицейской поры, но все же печаль здесь не заставляет содрогнуться, не вызывает чувства сильного сострадания, а, скорее побуждает принять участие в судьбе лирического героя: выслушать, посочувствовать ему. На наш взгляд, именно этот период творчества можно с полной уверенностью назвать «светлой печалью».

Годы южной ссылки поэта (1820 - 1824) были годами романтического подъема в его творчестве. Создан крымский цикл его стихотворений, в их числе элегии: «Погасло дневное светило» (1820), «Редеет облаков летучая гряда» (1820), «Кто видел край, где роскошью природы» (1821), «Мой друг, забыты мной следы минувших лет» (1821), «Простишь ли мне ревнивые мечты?» (1823), «Ненастный день потух» (1824), «К морю» (1824).

Элегическая линия никогда не угасала, и стихотворения крымского периода жизни Пушкина были «прямым продолжением его элегического цикла 1816 года» (1.С.121). Элегия - следствие неудовлетворенности, осознания несовершенства бытия, что является первоначальной почвой зарождения романтического мирозерцания. «В теснейшем и существеннейшем своем значении романтизм есть не что иное, как внутренний мир души человека, сокровенная жизнь его сердца», - писал Белинский (8.Т.VII.С. 252). Эту формулу в полной мере можно отнести к романтизму Пушкина.

Судьба повела поэта труднейшей дорогой через страсти в душевный холод. Начиная с 1819 года он беспрестанно жалуется на возрастающую бесчувственность, последствие бурных страстей. Он «пережил свои желания, разлюбил свои мечты»; он жалуется: «Забыло сердце нежный трепет и пламя юности живой», «Свою печать утратил резвый нрав, душа час от часу немеет; в ней чувств уж нет...», «Взглянул на мир я взором ясным и изумился в тишине; Ужели он казался мне столь величавым и прекрасным?...И взор я бросил на людей, увидел их надменных, низких».

В элегии «Погасло дневное светило» (1820) - итоги определенного отрезка жизни поэта, переломного момента биографии его души. Элегия, как и романтические поэмы Пушкина, некоторыми своими чертами напоминают поэзию Байрона. Д.Д. Благой писал об этом: «Русским поклонникам английского поэта сразу бросилась в глаза близость стихотворения Пушкина к мотивам Байрона: «Море, корабль, лирическое обращение к тому и другому, стремление поэта к пределам дальним...» (9.С.254). Связь стихотворения с поэмой Байрона не означала подражания ему. Они пели сходные песни, потому что похожа была их жизнь, потому что жили они в одно и то же трудное и мятежное время, были романтиками и одинаково сильно любили поэзию и свободу. По верному замечанию Вячеслава Иванова, «Байрон открыл Пушкину... угрюмый внутренний мир человека титанических сил и притязаний, снедаемого бесплодной тоской» (2.С.246). Трагически окрашены заключительные строки элегии:

Но прежних сердца ран,

*Глубоких ран любви,
Ничто не излечило...*

В 1820 году Пушкин пишет одну из самых мрачных элегий: «Я пережил свои желанья». Оригинальная композиция основана на параллелизме, на тесно текущей связи между человеческой жизнью и жизнью природы:

*Под бурями судьбы жестокой
Увял цветущий мой венец;
Живу печальный, одинокий,
И жду: придет ли мой конец?
Так, поздним хладом пораженный,
Как бури слышен зимний свист,
Один на ветке обнаженной
Трепещет запоздалый лист*

Пушкин с его жизнелюбием, жизнеутверждающим пафосом мирозерцания в 22 года написал элегию, в которой с такой силой звучат разочарование, безнадежность. Можно представить, в какой степени омрачена душа поэта, если он потерял веру даже в свою мечту, которая всегда являлась опорой безрадостной жизни, надежным щитом перед «бурями судьбы жестокой». В заключительных строках точно найденный метафорический образ усиливает впечатление подавленности и опустошенности.

Трагические мотивы ранней лирики Пушкина развиваются в русле романтизма, и здесь они тесно переплетаются с идеей свободы. Мотивы свободы насквозь пронизывают романтическую лирику Пушкина. Понятие свободы относится Пушкиным к разряду высших человеческих ценностей. В стихотворении «Дельвигу» (1821) он провозглашает: «Одна свобода мой кумир», в изгнании стремится «вознаградить в объятиях свободы мятежной младостью утраченные годы» («Чаадаеву», 1821). В мире природы в ту пору Пушкина привлекают стихии - море, океан, грозы, так как они ассоциируются со свободой. В стихотворении «Кто, волны, вас остановил» (1823) звучат призывные строки:

*Взыграйте ветры, взойте воды,
Разружьте гибельный оплот.
Где ты, гроза, - символ свободы?
Промчись поверх невольных вод*

Образом «свободной стихии» открывается последнее романтическое стихотворение Пушкина «К морю» (1824).

Свобода для поэта была и возвышенным идеалом, и трагической в своей глубокой основе проблемой. Проблемность темы свободы, ее внутренняя трагедийность связаны с неспособностью людей и народов, по мнению поэта, не только бороться за свободу, но и принять ее. В стихотворениях «Бывало в сладком ослепленье...» и «Свободы сеятель пустынный» звучит одна и та же мысль. Поэт восклицает с глубокой горечью:

*Вы правы, мудрые народы,
К чему свободы вольный клич!
Стадам не нужен дар свободы,
Их должно резать или стричь,
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремящими да бич*

В стихотворении «Надеждой сладостной младенчески дыша» (1823) поэт высказывает желание оставить этот мир и улететь «В страну свободы, наслаждений, / В страну, где смерти нет, где нет предрассуждений; / Где мысль одна плывет в небесной чистоте...».

Трагическое настроение лицейской и романтической лирики Пушкина выразило смутное ощущение поэта неустроенности жизни человека в современном ему обществе. В «равнодушии к жизни, к ее наслаждениям», в «преждевременной старости души», в душевной охладелости романтического героя он видел «отличительные черты молодежи 19 века». В дальнейшем, в зрелом творчестве поэта это ощущение сменяется глубоким пониманием сути трагического конфликта творческой и свободолюбивой личности с окружающим миром, который препятствует реализации устремлений человека. И это найдет свое отражение как в лирике поэта, так и в его великих драматических творениях.

Библиографический список

1. Томашевский Б.В. Пушкин. Кн. I. М.- Л., 1956.
2. Пушкин в русской философской критике. М., 1990.
3. Бабаев Э.Г. Творчество А.С. Пушкина. М., 1988.
4. Русские писатели 19 века о Пушкине. М., 1938 .
5. Слонимский А.П. Мастерство Пушкина. М., 1963.
6. Мейлах Б.С. « ...сквозь магический кристалл...». М., 1990.
7. Григорьян К.Н. Пушкинская элегия. Л., 1990.

8. Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т.5-7. М., 1956
9. Благой Б.Д. Творческий путь Пушкина (1826-1830). М., 1967.

С. В. Соловьёва (Самара)

К ПРОБЛЕМЕ КОНСТИТУИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ХРОНОТОПА *

Проблема исторического пространства и времени является одной из сложных и темных в области философии истории. Современные исследователи все чаще рассматривают историю не просто как реальный процесс развития общества, состоявший в смене общественных образований, но как особое бытие, имеющее свой онтологический статус. В этом случае история выступает таким типом бытия, который обладает собственной временной и пространственной определенностью. Следовательно, онтологические основания истории можно прояснить на путях осмысления пространственно-временных особенностей конституирования данного типа бытия.

Необходимо отметить, что проблема исторического времени в философии достаточно новая и наиболее основательно начала разрабатываться только в рамках философии жизни. Концепция длительности А. Бергсона стала переломным моментом в осмыслении этого понятия и стимулировала исследование времени феноменологией Э. Гуссерля и фундаментальной онтологией М. Хайдеггера.

Первичной интуицией Бергсона стала идея длительности или психологического, субъективного времени, которое он резко отличает от физического, математического времени. Бергсоновский дискурс противопоставляет себя метафизике нового времени, имеющей своим основанием науку, которая исследует пространственную природу бытия, тогда как новая философия, по Бергсону, выдвигает в центр своей рефлексии время. Длительность, с точки зрения философа, “не имеет ни тождественных, ни внешних по отношению друг к другу моментов, так как она, по существу своему, разнородна, слитна и ничего общего не имеет с числом” (1. С.102). Именно сознание позволяет длительности стать чем-то целым, единым, становящимся. Бергсон также отмечает, что сознание не просто воспринимает пространственно-подобные положения событий в физическом времени,

* Работа выполнена при финансовой поддержке "Института Открытого Общества. Фонд Содействия" по гранту H2B781.